

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-634-662

Научная статья

Тенденции и уроки антикризисного правового регулирования в период пандемии COVID-19

Я.В. Гайворонская¹, О.И. Мирошниченко^{1,*}, С.Ш. Шакиров²

¹ Дальневосточный федеральный университет,

г. Владивосток, Российская Федерация,

² Российский университет дружбы народов,

г. Москва, Российская Федерация,

*olga-star.05@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка структурировать то влияние, которое оказала пандемия коронавируса на социально-политическую организацию общества и правовое регулирование. Авторы предлагают свое видение наиболее значимых изменений, происшедших в различных сферах жизнедеятельности общества. Пандемия продемонстрировала противоположные эффекты цифровизации (как сугубо позитивные с точки зрения социального прогресса и устойчивого развития, так и крайне негативные). Кроме этого, в период «противовирусного регулирования» спонтанным образом были заложены определенные тенденции и шаблоны правового регулирования, которые могут привести к принципиальным и критическим изменениям в правовой системе. В заключении формулируются тенденции, намеченные пандемией, и авторские предложения, которые позволили бы учесть экстремальный опыт выживания в условиях вирусной угрозы и выйти в постпандемический мир с минимальными потерями.

Ключевые слова: пандемия, Covid-19, цифровизация, цифровая трансформация, демократия, электронная демократия, правовое регулирование, право, права человека

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о вкладе авторов: Мирошниченко О.И. — анализ и научная проработка материалов; Гайворонская Я.В. — общий обзор и заключение; Шакиров С.Ш. — общий обзор, введение и копирайтинг.

Информация о финансировании. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-111-50508 Экспансия.

Дата поступления в редакцию: 14 марта 2021 г.

Дата принятия к печати: 15 января 2021 г.

Для цитирования:

Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И., Шакиров С.Ш. Тенденции и уроки антикризисного правового регулирования в период пандемии COVID-19 // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 2. С. 634—662. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-634-662

© Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И., Шакиров С.Ш., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Trends and lessons of anti-crisis legal regulation in the period of the COVID-19 pandemic

Yana V. Gaivoronskaya¹, Olga I. Miroshnichenko^{1*}, Sergey Sh. Shakirov²

¹ Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russian Federation,

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation,

*olga-star.05@mail.ru

Abstract. The article attempts to structure the impact of the coronavirus pandemic on the sociopolitical organization of society and legal regulation. The authors offer their own vision of the most significant changes that have occurred in various spheres of society in this specific period. The pandemic has demonstrated the diverse effects of digitalization (both highly positive in terms of social progress and sustainable development, and extremely negative). In addition, during the period of “antiviral regulation”, certain trends and patterns of legal regulation were spontaneously laid down; they can lead to fundamental and critical changes in the legal system. The article features the trends outlined by the pandemic and formulates proposals, allowing to take into account the extreme experience of survival in the conditions of the viral threat and to enter the post-pandemic world with minimal losses.

Key words: pandemic, COVID-19, digitalization, digital transformation, democracy, e-democracy, legal regulation, law, human rights

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

The participation of the authors: Miroshnichenko O.I. — analysis and scientific study of materials; Gaivoronskaya Ya.V. — general overview and conclusion; Shakirov S.Sh. — introduction and copywriting.

Funding information. The reported study was funded by RFBR, project number 20-111-50508 Ekspansiya.

Article received 14th March 2021

Article accepted 15th April 2021

For citation:

Gaivoronskaya Ya.V., Miroshnichenko O.I., Shakirov S.Sh. (2021) Trends and lessons of anti-crisis legal regulation in the period of the COVID-19 pandemic. *RUDN Journal of Law*. 25 (2), 634—662. (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-2-634-662

Введение. «Опрокинутый» мир

Победное шествие «коронованного» вируса по планете «вскрыло» мифы и слабые места современной социально-политической организации, а также проблемные аспекты моделей экономического и политического прогресса, провозглашаемых в качестве перспективных целей развития. Мы говорим о цифровой трансформации общества, глобализации, демократии и либерализме.

Кроме этого, пандемия девальвировала серьезный пласт политической риторики, касающийся уважения и защиты прав граждан, легитимности власти, пропаганды демократических ценностей, глобализационного переустройства политической арены мира.

Вирус «нахально» игнорировал общепризнанные ценности человеческой цивилизации и принципы международного права, демонстрируя, что жесткие политические режимы справляются с безответственной угрозой быстрее и эффективнее, в то время как демократии терпели крах (пока не внедрили жестко-централизованные и карательные меры). Очевидно (теперь уже очевидно) переоцененное smart-регулирование в современном исполнении также не оправдало ожиданий, продемонстрировав массовые нарушения прав людей, отказ от традиционных постулатов системности и полноты регулирования, непродуманные процедуры, необеспеченные ответственностью предписания и привлечение к ответственности без вины и без соблюдения законной процедуры. Средства массовой информации являли миру недостатки журналистики в формате клипового мышления и беспомощность реальной свободы слова.

Но общая картина вряд ли выглядела бы такой катастрофичной, если бы кризис, как изначально предполагалось, оказался кратковременным. Однако, анализируя опыт правового регулирования и государственного управления в условиях пандемии, мы имеем все основания говорить о появлении и закреплении определенных тенденций регулирования, зарождающихся на стыке пандемии и цифровизации и грозящих стать «мейнстримом» постпандемического мира.

Пандемия и государственное управление

Со второй половины XX в. демократия считалась наиболее перспективным политическим сюжетом, а «гражданское общество стало восприниматься как некий высший уровень социального развития, достигнутый странами Запада, на который всем остальным надо равняться» (Vershinin, 2014).

Развитие информационно-коммуникационных технологий изначально очевидным образом способствовало наиболее полной реализации основных либерально-демократических ценностей. Так, например, в резолюции Совета по правам человека ООН от 3 июня 2011 г. на основании авторитетного доклада спецпредставителя ООН Франка Ла Рю¹ право на доступ в Интернет было отнесено к числу базовых и неотъемлемых прав человека в современном мире (в дальнейшем были приняты и другие документы по поводу свободы слова и защиты информации в Интернете²). Идеи о том, что что «интернет способствует размыванию существовавших границ и иерархий...», «процесс получения информации сократился до нескольких кликов на странице браузера...» (Asnagulova & Zamanov, 2019), «социальные медиа способствуют росту уровня гражданского самосознания» (Lozinskaya & Zubareva, 2020) и т. п., прочно закрепились в общественном сознании. Гражданское общество получило возможность обсуждения наиболее актуальных проблем в режимах видеочатов, мессенджеров, онлайн-переводчиков, уже без всякой привязки не только к месту нахождения лиц, но даже к языку, и к конкретному государству. Всеобщий безлимитный и практически

¹ ООН признала право на доступ в Интернет неотъемлемым. Российская газета. 7 июня 2011 г. Режим доступа: <https://rg.ru/2011/06/07/oon-site-anons.html> (дата обращения: 01.02.2021).

² Как Россия предлагает ООН обезопасить интернет. ТАСС. 1 ноября 2017 г. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/4672302> (дата обращения: 02.02.2021).

нерегулируемый доступ к информации, как и обмен этой информацией, стали настолько общедоступными явлениями, что казалось, действительно наступил предсказанный Лоуренсом Гроссманом «момент истины» — великая эпоха цифровой демократии, электронная республика (Grossman, 1995).

В результате оптимисты уверились в том, что момент реальной «прозрачности» государственного управления и, как следствие, потенциального полного контроля общества над деятельностью государственных органов действительно близок; пессимисты замолчали, допустив мысль о возможности воцарения реальной демократии благодаря технологиям цифровизации.

Однако Уханьская эпидемия коронавируса (декабрь 2019 г.), быстро распространившись за пределы Китая, изменила все. Тоталитарный Китай справился ожидаемо легко, с помощью жестко централизованных мер. Южная Корея и Япония обошлись «полумерами»: это была «настоятельная просьба» публичной власти к гражданам не выходить из дома, сопровождаемая введением штрафов, которые по размеру несопоставимы с теми, которые позже были введены в Европе («восточные» штрафы, как ни странно, были гораздо ниже). А в западных государствах случился реальный политико-правовой коллапс, вызванный неспособностью развитых демократических государственных структур справиться с кризисной ситуацией. Причем кризисная ситуация была серьезно катализирована описанными выше весьма демократическими «цифровыми нововведениями». Пьедестал западной демократии — свобода слова и выражения собственного мнения — стал «подрывной бомбой» в сложившихся условиях. Вирус, который на Востоке, благодаря жесткой дисциплине и ментальной уверенности граждан в необходимости следовать властным велениям, какими бы неразумными они ни казались, остался лишь медико-биологическим, на Западе превратился в реальную медиаугрозу (Miroshnichenko & Mamyshev, 2020).

Пандемия реально изменила все. Нельзя не согласиться с профессором Грили, который, открывая спецвыпуск авторитетного западного журнала *Journal of Law and the Biosciences*, посвященный специально коронавирусу и его «урокам», иронично констатирует: «Да, пандемия несправедлива. Общества должны выучить уроки и изменить что-то, возможно, произвести серьезные изменения» (Greely, 2020). При этом профессор подчеркивает, что вопрос о качестве и содержании таких изменений остается открытым и их пока нельзя охарактеризовать однозначно.

Действительно, мы пока не «выучили свой урок» и не можем толком проанализировать последствия той катастрофы, которая настигла мир почти год назад; возможно потому, что процесс еще идет; но мы уже можем сделать некоторые выводы о произошедшем.

Если проанализировать статистические данные по количеству зараженных коронавирусом в разных странах³, то можно увидеть, что первые места в этом антирейтинге занимают государства с демократическим политическим режимом (будь то развивающаяся или давно окрепшая демократия), в то время как страны с повышенным уровнем контроля со стороны государства располагаются в

³ Заражение коронавирусом по разным странам на 27.01.2021. Режим доступа: <https://index.minfin.com.ua/reference/coronavirus/geography/> (дата обращения: 27.01.2020).

списке гораздо ниже. Введение жестких регулятивно-управленческих режимов оказывается единственной эффективной практикой, продемонстрированной западными демократиями в ходе борьбы с пандемией. По данным на январь 2020 г., первые строчки Индекса демократии занимают Норвегия, Исландия, Швеция⁴. В ноябре 2020 г. в Швеции вступили в силу жесткие коронавирусные ограничения (Kovaleva, 2020). Эта же практика коснулась и Норвегии, где в январе 2021 г. тоже ужесточили введенные из-за коронавируса ограничения⁵. Причем под жестким регулированием понимается в первую очередь отказ от либеральных прав и свобод человека. При этом «ни одна западная демократия даже отдаленно не приблизилась по успехам в борьбе с эпидемией к Китаю»⁶.

Не будем анализировать меры, предпринятые автократиями и тем более жесткими тоталитарными государствами. Интерес представляют тенденции «антиковидной» политики 2020 г. в развитых демократиях. Отношение к пандемии и необходимости ограничений было различным: от твердого «мы не можем позволить, чтобы последствия «лечения» были тяжелее самой заразы» (Дональд Трамп)⁷; через анализ на всех уровнях — от массмедиа до научных статей — экономических убытков и умаления права человека; до издания законов против «инфодемии», серьезно ограничивающих основную ценность западного общества — свободу слова (Radu, 2020).

Ковидные ограничения вызвали цунами недовольства. Согласно социологическим опросам и публикациям в СМИ население оценивало принимаемые меры как чрезмерные⁸, формально-бюрократические (Loktionova, 2020), несвоевременные и подрывающие экономическое благосостояние граждан⁹.

Российская ситуация по типу реакции населения ближе к европейской. К тому же нужно понимать, что подрастающее поколение в России традиционно отличается низким уровнем доверия к публичным политическим институтам, а потому смотрит на управление через призму повсеместного ограничения прав. Молодежь действительно обеспокоена зарождающейся тенденцией цифрового тоталитаризма. В социальных сетях и до пандемии поднимались темы ограничения политической конкуренции и свободы СМИ, блокировки неудобных сайтов, развития суверенного Интернета, вмешательства государства в личную жизнь граждан посредством контроля различных мессенджеров. Активно обсуждались

⁴ Индекс демократии стран мира (The Democracy Index). Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/democracy-index> (дата обращения: 27.01.2020).

⁵ Норвегия ужесточит введенные из-за коронавируса ограничения. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/03/01/2021/5ff202629a7947d7604564f9> (дата обращения: 27.01.2020).

⁶ Бовт Г. «Русский тоталитаризм» куда-то делся. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/10/13/843152-russkii-totalitarizm> (дата обращения: 07.02.2020).

⁷ Singer, P., Plant, M. (2020) When Will the Pandemic Cure Be Worse Than the Disease? Project Syndicate: The world's opinion pages. Apr 6, 2020. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/when-will-lockdowns-be-worse-than-covid19-by-peter-singer-and-michael-plant-2020-04?barrier=accesspaylog> [Accessed 12th February 2021].

⁸ Третью россиянин считают чрезмерными ограничения в связи с коронавирусом. — Информационный бизнес-портал РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/29/04/2020/5ea863599a794749aa07be3f> (дата обращения: 09.02.2021).

⁹ Аренина К. Жизнь на карантине: работы больше, доходов меньше. Исследование The Bell и «Левада-центра» / К. Аренина, А. Стогней, Гончаров С., Караева О. Режим доступа: <https://thebell.io/zhizn-na-karantine-raboty-bolshe-dohodov-menshe-issledovanie-the-bell-i-levada-tsentra> (дата обращения: 09.02.2021).

дела о государственной измене с обвинительными приговорами за высказывания в Интернете и мессенджерах, часто высказывались мнения о вменении ложных обвинений.

Боязнь цифрового контроля не является надуманной проблемой. Клаус Шwab видел два ключевых направления воздействия четвертой промышленной революции на правительства: а) технологии будут все более наделять граждан полномочиями, давая им новые способы выражать свои мнения, координировать усилия и, возможно, находить пути для обхода государственного надзора; б) новые технологии наблюдения приведут к усилению надзора и чрезмерной власти государственных органов (Schwab, 2016:56). Пандемия добавила проблеме актуальности, показав реальность применения технологий. Мнения авторитетных экспертов от цифровизации достаточно откровенны. «Максимального эффекта можно достичь только благодаря максимальной прозрачности: дать государству доступ к банковскому аккаунту, превратить учетную запись на портале госуслуг в целый цифровой профиль, чтобы государство могло проактивно реагировать на возникшие жизненные ситуации» — говорит Борис Глазков, президент по стратегическим инициативам «Ростелекома» (Sukharevskaya, 2019).

Однако возникает устойчивое ощущение, что технология работает в одну сторону: речь идет о прозрачности только со стороны граждан, а это, как известно, недопустимо в демократическом государстве. Предполагалось, что цифровые технологии должны укреплять и развивать основы демократии. Но практика их использования, особенно в условиях «антивирусного» регулирования, больше похожа на незаметное преобразование демократии в совершенно иной политический режим — цифровой тоталитаризм. Разница между ними лишь в том, что в «тоталитарном» цифровом мире государство с помощью информационных технологий может видеть гражданина насквозь, а в «демократическом» — наоборот, гражданин видит насквозь прозрачное государство (Turov, 2019).

«В масштабах страны контроль на уровне гаджетов впервые применил именно Китай, — рассуждает профессор Школы востоковедения НИУ ВШЭ Алексей Маслов, — там есть все возможности, чтобы сделать цифровой тоталитаризм реальностью» (Maslov, 2020). Однако, по мнению эксперта, разница менталитетов делает этот путь неприемлемым для России, где население желает, чтобы власть, которая вводит эту систему, должна быть точно также ей же и подчинена, как и все люди, без исключения.

Проблемой цифрового тоталитаризма озабочены не только в России. В Европе тоже многие убеждены, что под соусом пандемии COVID-19, будь она искусственной или естественной, многие правительства устанавливают самый настоящий тоталитаризм (Kennedy, 2020). Пандемия легитимизировала практику слежки за собственными гражданами (Kucherena, 2020).

Еще один демократический концепт, получивший неожиданное прочтение российской властью в период пандемии, — это федерализм. Незаметный в обычное «мирное» время, он вдруг был извлечен на повестку дня с указанием губернаторам действовать с учетом специфики региона. Причем, хотя

разумность идеи очевидна, в российских реалиях выглядело это больше как самоустранение федеральной власти, которая не желала ассоциировать себя с неизбежными непопулярными мерами.

Пандемия и этика

Формирование цифровой среды сопровождается достаточно широким и быстрым распространением новой системы ценностей (Pashentsev, 2020) — этот факт сам по себе делает цифровую трансформацию общественных отношений болезненной для многих групп населения и сложной в плане реализации для многих сфер деятельности. Пандемия обострила противоречие между либеральными ценностями, воспринятыми последними двумя-тремя поколениями россиян, и иными, причем как теми, которые уже ушли с актуальной повестки дня последних десятилетий, так и теми, которые только начинают на этой повестке появляться. В зарубежной прессе отмечалось, что недовольство действиями правительств связано с тем, что население ощутило резкий контраст между ограничительными мерами и свободой. Франческа Беллацци и Конрад В. Бойнебург утверждают, что этот контраст является «ложным восприятием» (Bellazzi & Boynenburgk, 2020). Дело в том, что мы рассматриваем этот вопрос через нашу современную моральную философию утилитаризма и понимание свободы как отсутствия ограничений. Однако это всего лишь две из возможных идеологий, и теоретически такое восприятие может быть заменено более сложными альтернативами, а именно этикой добродетели и понятием свободы воли. Они дают другую картину морали и позволяют гармонично сосуществовать с вводимыми ограничениями, сознательно выбирая их соблюдение вместо того, чтобы воспринимать их как драконовские и аморальные. Этика добродетели позволяет решать практические вопросы о том, как человек должен вести себя во время пандемии, как относиться к изоляции и другим ограничительным мерам.

Последние века мы живем в обществе, где перманентно враждуют две этих основных концепции этики: утилитаризм либо свобода как отсутствие всякого принуждения.

Утилитаризм как разновидность концептуализма (Mill, 2015) предполагает правильными только такие действия, которые максимизирует общий вес блага для каждого из живущих в обществе. Большая часть наших действий так или иначе подчиняется этому правилу, и именно из этой концепции исходило большинство парламентов и правительств, реагируя на вызовы пандемии. Даже те, кто пропагандировал отсутствие сверхопасности коронавируса, стояли на тех же этических основаниях, утверждая, что ущерб от ограничительных мероприятий для экономики в целом будет слишком большим, поэтому лучше пожертвовать стариками, чтобы молодые и сильные могли спокойно жить дальше так, как привыкли. Исая Берлин называл концепцию, в которой свобода определяется как абсолютом, отсутствие внешних ограничений и принуждения, негативной свободой (Berlin, 2006).

Альтернативная моральная концепция добродетельной этики предлагалась еще Аристотелем (Aristotle & Irwin, 1999) и развивалась в дальнейшем Гертрудой Э.М. Энскомб (Anscombe, 1958), Филиппой Фут (Foot, 2002) и Аласдером

С. Макинтайром (MacIntyre, 2007). Все они исходят из двух постулатов. Во-первых, моральные характеристики признаются фундаментально необходимыми для достижения счастья, понимаемого как полная реализация каждой индивидуальной человеческой жизни. В таком понимании счастье не зависит от возраста или относительной слабости. Во-вторых, эта теория ориентируется на добродетель, которая понимается как предрасположенность, позволяющая человеку воспринимать, чувствовать, хотеть и действовать определенным образом. Правильно проявлять добродетель — это значит иметь нравственную установку, которая заставляет человека вести себя адекватно обстоятельствам, в которых он находится. Например, если меры изоляции подразумевают систематическую дискриминацию слабой категории, такой как инвалиды или психически больные люди, то в этическом плане это означает, что от людей требуется мужество.

В аристотелевской концепции присутствовал концепт двупорядковой этики: первый уровень — хочу чего-то сейчас; второй уровень — я сейчас этого не получу (локдаун) для того, чтобы получить это в будущем в том варианте, в котором захочу. Настоящая свобода подразумевалась на втором уровне, предполагая свободу управлять своей жизнью. Это — осознанная свобода, интеллектуальная (Frankfurt, 1971).

Таким образом, в условиях пандемии и морально, и разумно было бы использовать не утилитарно-простейшую концепцию немедленной свободы, а реализовывать ее через аристотелевский подход к ценности — ценность собственной свободы через общественное благо и свободу второго уровня (интеллектуальную).

Однако и здесь все не так просто. На сцене политико-правовой риторики появляется новая идеология — *гуманитаризм*. В таком прочтении гуманизм не опирается на свободу как на высшую ценность, а наоборот, противопоставляется ей. Ценность человеческой жизни тут оправдывает любые ограничения свободы и возможностей отдельного человека (Gromov, 2020). Ситуация с пандемией обострила до крайности конфликт либеральных ценностей свободы (слова, мысли, передвижения) и самовыражения, с одной стороны, и ценностей безопасности и выживания — с другой.

Как считает Е. Шульман, торговля угрозами и их предотвращение становятся одними из главных методов на административном рынке России, вся окружающая реальность рассматривается как комплекс реальных или потенциальных вызовов (Shulman, 2020). Причем это касается не только России. Как пишет А. Громов, власть узнала волшебные слова — «ценность человеческой жизни». ««Слезинка ребенка», «жизнь рядового Райана», «смерть старика, сидящего в ожидании у костра», в отрыве от базовых ценностей гуманизма становятся очень опасной даже не идеологией, а технологией подавления и контроля»¹⁰.

Лейтмотив политической риторики России последних лет можно выразить так: «...чем вы готовы пожертвовать, чтобы сохранить безопасность, на какие ограничения готовы пойти, чтобы сделать нашу жизнь еще дольше и комфортнее?» (Shulman, 2020).

¹⁰ Андрей Громов. О неприятном, сложном и непolitкорректном. Режим доступа: <https://www.facebook.com/igor.averkiev.perm/posts/159539495568729> (дата обращения: 12.02.2021).

По словам Роберта Кеннеди-младшего, «правительства любят пандемии», так как они дают возможность устанавливать контроль над населением, который бы иначе население никогда не приняло (Kennedy, 2020).

Причем нужно понимать, что «ковидно-цифровая» трансформация ценностей не может проходить гладко, так как внутри процесса заложено еще одно противоречие взаимоисключающих векторов развития. С одной стороны, ситуация с пандемией требовала приоритета безопасности и связанных с ней ценностей выживания и традиционных ценностей типа почтения и покорности власти, готовности принять авторитаризм, социального конформизма, веры во всемогущество науки и техники. С другой стороны, в основе цифровой трансформации лежит цифровая экономика, которая представляет собой развитие рыночной экономики в информационном обществе, следовательно, должна ориентироваться на соответствующие ценности самовыражения типа высоких оценок личности, свободы личности, высокой роли личности в обществе, прав человека, материальных благ, личного экономического успеха индивида.

С этих позиций выглядит логичным то, сколько негатива и критики в Интернете вызывали ограничительные меры и действия властей.

Пандемия и правовое регулирование

Тезис об отставании правового регулирования от темпов цифровой трансформации общества за последние пару лет стал трюизмом в соответствующих публикациях (Mikheeva & Boyarintseva, 2019). Проблема усугубляется тем, что под влиянием цифровизации процессы в обществе многократно ускоряются (Zaloilo & Pashentsev, 2019: 200).

Пандемия подтвердила опасения ученых, говоривших о том, что в условиях цифровизации господство закона может стать фактором, тормозящим развитие новых отношений в цифровой среде и снижающим эффективность правового регулирования (Zaloilo & Pashentsev, 2019: 201). Особенности закона таковы, что не предполагают его оперативного изменения в случае трансформации предмета регулирования (Khabrieva, 2018).

С другой стороны, такое положение дел нивелирует авторитет и потенциал закона как средства защиты прав и свобод человека и гражданина — ценности, к которой человечество столь долго шло и так недолго ею наслаждалось.

С точки зрения общественного мнения российский опыт правового регулирования в условиях борьбы с пандемией нельзя признать удачным (несмотря на итоговую эффективность противоэпидемиологических мер). «Антивирусное» законодательство в научной среде именовали «вируспруденцией» (Chernogor & Zaloilo, 2020), за регулятивным режимом закрепился термин «пандемия неравенства» (Gryaznov, 2020; Sheremet, 2020), а в интернет-публицистике часто мелькали характеристики «электронный концлагерь» и «недокарантин».

Весной 2020-го г. для юристов казалось очевидным, что, когда шок спадет, миру явится шквал юридических разбирательств «задним числом» и постфактум, касающихся нарушаемых прав, игнорирования положений закона, оспаривания документов. В Сети появлялась информация о попытках оспорить решения глав

субъектов Федерации о введении режима самоизоляции¹¹. Коллективный иск к мэрии Москвы подали в начале апреля оппозиционные политики (включая муниципального депутата)¹². Далее был подан второй иск, в котором оспаривалось введение цифровых пропусков на передвижение по городу (в части компетенции мэра, нарушения законодательства о персональных данных и процедуры введения ограничений), потом — еще несколько. В исках подчеркивалось, что указ мэра незаконно ограничивает право на передвижение, а это возможно сделать только федеральным законом, а в случае угрожающей эпидемиологической обстановки — только при введении карантина по решению главных государственных санитарных врачей и их заместителей, а также при введении чрезвычайного или военного положения¹³. С юридической точки зрения перспективы казались очевидными (Kononov, 2020).

Однако все оказалось сложнее.

28 апреля 2020 г. Московский городской суд отклонил сразу все шесть исков к мэру Сергею Собянину об отмене введенных в связи с эпидемией коронавируса ограничений¹⁴. Очевидно, что доводы истцов выглядят гораздо более убедительными с юридической точки зрения, чем возражения мэрии. Кроме этого, истцы справедливо указывали на спешку при рассмотрении дел и процессуальные нарушения (Yagodkina, 2020).

21 апреля 2020 г. Верховный Суд РФ утвердил Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 1, которым, среди прочего, были урегулированы вопросы привлечения к административной ответственности за нарушения правил поведения в условиях режима повышенной готовности¹⁵. Уже 30 апреля 2020 г. появился второй «коронавирусный» обзор практики. В итоге сложилась необычная для нашей правовой системы ситуация, когда не обзоры были написаны со ссылкой на практику, а практика начала формироваться со ссылкой на обзор¹⁶. Формально обзоры сняли многие процедурные и прикладные вопросы правоприменения в условиях ограничительных мер (признание ограничений форс-мажором, определение гражданско-правовых и процессуальных

¹¹ Соколова Д. Адвокат подал иск к Евгению Куйвашеву из-за всеобщей самоизоляции // Коммерсант: Урал. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4314906> (дата обращения: 12.02.2021).

¹² Сторонники Гудкова решили подать иск к Собянину из-за режима самоизоляции. РБК. 02.04.2020 г. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e8628f09a79471ff59aeb39> (дата обращения: 02.02.2021).

¹³ Против правительства Москвы подан иск в суд из-за введения режима всеобщей самоизоляции. — Информационное агентство «Znak». 02.04.2020 г. Режим доступа: https://www.znak.com/2020-04-02/protiv_pravitelstva_moskvy_podan_isk_v_sud_iz_za_vvedeniya_rezhima_vseobchey_samoizolyacii (дата обращения: 02.02.2021).

¹⁴ Корня А. Мосгорсуд отказал во всех исках об отмене указов мэра о самоизоляции. Ведомости. 28.04.2020 г. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/04/28/829225-mosgorsud-otkazal> (дата обращения: 02.02.2021).

¹⁵ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. Май 2020 г. № 5.

¹⁶ Два «коронавирусных» обзора Верховного суда: как их применяют на практике. Право.ру. 21 мая 2020 г. Режим доступа: <https://pravo.ru/story/221892/> (дата обращения: 03.02.2021).

сроков, статус нерабочих дней и многое другое). В том числе разрешили коллизию с привлечением к административной ответственности по ст. 20.6.1 («Невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения») и ст. 6.3 («Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения») КоАП РФ, практика по которым была не единообразной и порождала множество жалоб. Введенная с 1 апреля 2020 г. для обеспечения противопандемических мер статья 20.6.1 содержала очень высокие штрафные санкции и очень обобщенные формулировки (Moshkovich, 2020).

При всем этом Верховный Суд обошел вниманием все спорные моменты, касающиеся конституционности, правомерности и легитимности введения ограничительных мер; компетенции глав субъектов федерации на их установление; ограничений конституционной свободы передвижения, введения дополнительных, не установленных федеральными законами, обязанностей граждан; избыточности требуемых с граждан персональных данных и небезопасности их обработки; резкого снижения уровня правовых гарантий и защищенности населения; неопределенного и беспрецедентного статуса рекомендательных и информационных документов Роспотребнадзора, которые использовались в качестве нормативного обоснования любых действий властей, — то есть все то, что вызывало массовое недовольство в Сети, протестные акции, растерянность населения и апокалиптические фейки на тему цифрового тоталитаризма.

Точку в борьбе политики, медицины и юриспруденции поставил Конституционный Суд РФ. Постановление Конституционного суда от 25 декабря 2020 г. № 49-П¹⁷ создало прецедент, перевернувший «с ног на голову» принципы российской правовой системы. Протвинский городской суд Московской области попросил проверить конституционность подп. 3 п. 5 постановления губернатора Московской области от 12 марта № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской области системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области», ограничивающих, по мнению суда, право граждан на свободу передвижения¹⁸.

Логика Постановления КС неоднозначна. В документе Суд подробно излагает нормы Конституции и федеральных законов, исходя из которых ограничение свободы передвижения и иных конституционных прав граждан должно

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области».

¹⁸ Нагорная М. КС признал конституционным положение постановления губернатора МО об ограничении передвижения в период пандемии // Адвокатская газета. Орган Федеральной Палаты адвокатов РФ. Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/diskussii/pravovaya-storona-pandemii/> (дата обращения: 12.12.2020).

производиться законодательными актами федерального уровня, а также положения о том, что законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым по предметам ведения Российской Федерации и предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, — то есть фактически повторяет доводы, кто считает противопандемические ограничения в России процедурно и содержательно неконституционными. Однако после этого Суд приходит к парадоксальному выводу о том, что оспариваемое положение Постановления Губернатора Московской области не противоречит Конституции Российской Федерации. Доводы следующие: а) введение ограничений по своему конституционно значимому предназначению и сути было продиктовано объективной необходимостью оперативного реагирования на экстраординарную (беспрецедентную) опасность распространения коронавирусной инфекции (COVID-2019); б) вводимые меры не носили характера абсолютного запрета, допуская возможность перемещения граждан при наличии уважительных обстоятельств; в) вводимые меры были кратковременными, а возможность их установления получила своевременное подтверждение в федеральном законодательстве¹⁹.

Постановление использует весьма непривычную для легистски ориентированной правовой системы России аргументацию, например, говорит об *общих федеральных правовых ориентиров* (курсив наш), содержащихся в законодательстве о чрезвычайных ситуациях; соразмерности ограничений свободы передвижения; оперативном (опережающем) правовое регулирование субъекта Федерации²⁰, которое не может быть признано «в конкретно-исторической ситуации противоправным и противоречащим положениям Конституции Российской Федерации» (п. 3.2).

Возвращаясь к вопросу об обжаловании правовых актов глав регионов в части ограничительных мер, нужно указать, что в настоящее время еще рассматривается иск юриста А. Рыбина, который был подан еще в апреле 2020 г. (полгода дело отказывались принять к рассмотрению, истец добился рассмотрения через апелляционную инстанцию)²¹. Но уже очевидно, что решения судов имеют политический, а не юридический характер.

Мнение Конституционного Суда фактически легитимировало «опережающее правовое регулирование» периода вируспруденции, отодвинув на задний план классический правовой принцип недопустимости противопоставления законности и целесообразности. Это противопоставление, разрешаемое «антивирусным» законодательством в пользу целесообразности, очень негативно

¹⁹ Обзор практики Конституционного Суда РФ за 2020 год. Система Гарант. Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/400275156/paragraph/1/doclist/4826/showentries/0/highlight/Постановление%20конституционного%20суда%20№%2049-П:1> (дата обращения: 03.02.2021).

²⁰ Оспариваемое Постановление Губернатора Московской области было принято 12 марта 2020 г., то есть до издания и введения в действие федерального закона от 1 апреля 2020 года N 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», которым были расширены полномочия глав субъектов и понятие чрезвычайной ситуации.

²¹ В суде будет рассмотрен иск жителя Москвы к Сергею Собянину. ИА FederalCity. 12.02.2021 г. Режим доступа: <https://federalcity.ru/index.php?newsid=9827> (дата обращения: 14.02.2021).

оценивается как юристами, так и населением (не будем забывать, что сейчас на пике социальной и профессиональной активности преобладают 30—40-летние юристы, воспитанные на активно пропагандируемых принципах законности, конституционности и либеральных ценностях). Ситуация усугубляется еще и тем, что в отечественной юриспруденции закрепились установки, в соответствии с которыми целесообразность понимается в отрицательном значении: как противопоставление законности, усмотрение или даже произвол, привнесенные из право-реализационной практики (Zaloilo, 2020).

На метауровне ученые спокойно воспринимают обострение конфликта законности и целесообразности в правовом регулировании, рассматривая это как естественную характеристику периода смены правовых циклов. С такой точки зрения противовирусное законодательство является циклическим правовым массивом и имеет свою логику развития и свои пределы допустимого (Khabrieva, 2019). Однако на уровне обыденного правосознания резкое изменение модели и аксиологической базы правового регулирования воспринимается критично. Пандемия и здесь сыграла роль катализатора, спровоцировав болезненное ускорение изменений.

На уровне мнений экспертного сообщества и научного анализа уже оформилась и начала приживаться новая модель правового регулирования в обществе постмодерна, меняющая привычные представления о жесткой обязательности и формальной определенности законов. Эта новая модель предполагает, среди прочего, активное использование правового эксперимента в формате регуляторных песочниц, увеличение роли актов мягкого права (за счет их большей гибкости и динамичности), изменения места и роли закона в системе источников права (Zaloilo, 2020). Такая трансформация правового регулирования, сопровождаемая сменой и аксиологических, и формальных характеристик права, сама по себе является болезненным для общества и противоречивым процессом. К тому же в рамках такой трансформации крайне важны технологии научного прогнозирования и моделирования, так как на фазе смены циклов правового регулирования очень легко допустить ошибки, принимая временное и случайное за проявление новых закономерностей. Эволюционность изменений, порождаемых цифровой трансформацией, необходимо искусственно конструировать, в том числе за счет искусственного замедления и поэтапности реформ²².

Однако пандемия разрушила надежды на эволюционность процесса трансформации. В ход пошли «сырые» технологии и скороспелые решения. Высокотехнологичная инфраструктура, необходимая для цифровой экономики и информационного общества постмодерна, была подменена коммерческими сервисами (типа What'sApp), совершенно не предназначенными для передачи официальных персональных данных и конфиденциальной информации. Цифровые пропуска требовали распечатывать на бумаге, соблюдение карантина

²² Как справедливо указывают Д.А. Пашенцев и М.В. Залоило, правопорядок — сконструированное состояние, недаром методологию конструктивизма эксперты рассматривают как наиболее подходящую для изучения последствий цифровой трансформации общества. Подробнее: (Zaloilo & Pashentsev, 2019:200).

приходилось подтверждать отправкой по обычным мессенджерам селфи с паспортом²³, а властные административные решения о необходимости соблюдать самоизоляцию, запрете посещения школы или использования транспорта принимались неизвестными субъектами («системой») и доводились до сведения путем рассылки смс-сообщений (к тому же решения ошибочные, на базе недостоверной информации и без возможности обжалования)²⁴.

Все это дискредитировало цифровизацию в глазах населения, порождая хлесткие публицистические штампы типа электронного концлагеря или цифрового тоталитаризма.

Пандемия и цифровизация

Некая «двоякость» современной цифровизации выразилась в противоположных эффектах, продемонстрированных во время пандемии. С одной стороны, удаленная работа, дистанционное обучение, получение госуслуг в цифровой форме и онлайн-коммуникация для управленческих, профессиональных и бытовых нужд позволяли воспринимать цифровизацию как панацею, хотя бы временную, и давали надежду, что современное smart-общество способно противостоять любой угрозе, сохраняя базовые ценности и привычные формы взаимодействия. В период пандемии начали активно проявляться прогнозируемые плюсы цифровизации: цифровизация может комплексно решать жизненные ситуации граждан на базе автоматизированных бизнес-процессов («суперсервисов»), минимизировать участие чиновников в принятии решений по оказанию услуг, исключить бумажные документы как в процессе оказания услуг, так и между ведомствами (Mikheeva, Boyarintseva, 2019). Всемирная организация здравоохранения отметила положительную роль цифровых технологий в борьбе с пандемией: «Цифровизация позволила в условиях пандемии коронавируса восполнить вынужденные разрывы в предоставлении медицинской помощи при ряде заболеваний»²⁵.

С другой стороны, стало очевидным, что ни уровень технологий, ни развитость соответствующей инфраструктуры, ни направленность использования цифровых технологий властью, ни доступность технологий и коммуникаций населению, ни другие параметры информационного общества и социально-экономического киберпространства не до конца соответствуют декларируемым до этого показателям и целям использования. Цифровизация разочаровала, причем не только в сфере госуправления. Пандемия перезагрузила тестово-

²³ Москвичей с коронавирусом обяжали присылать селфи — чтобы подтвердить, что они дома. Настоящее время. 05.05.2020 г. Режим доступа: <https://www.currenttime.tv/a/selfie-moscow-covid-19/30594340.html> (дата обращения: 08.02.2021).

²⁴ Калугин Д. «Если попал в «ковидную» базу, можешь «влететь» на штраф»: юрист объяснила, стоит ли игнорировать предупреждения о самоизоляции. — Московская газета. 25.11.2020 г. Режим доступа: <https://mskgazeta.ru/obshchestvo/esli-popal-v-kovidnuyu-bazu-mozhesh-vletet-na-shtraf-yurist-ob-yasnila-stoit-li-ignorirovat-preduprezhdeniya-o-samoizolyacii-6452.html> (дата обращения: 12.02.2021).

²⁵ В ВОЗ заявили, что цифровизация сыграла важную роль в борьбе с пандемией. ТАСС. 02.01. 2021 г. Режим доступа: <https://tass.ru/obshchestvo/10398705> (дата обращения: 08.02.2021).

развлекательный режим применения цифровых технологий, и в условиях действительно реальной эксплуатации цифровизация оказалась не столь привлекательной.

Например, в Приморье в апреле 2020 г. система выдачи электронных пропусков в первый же день не справилась с нагрузкой, оставив необработанными 90 тысяч заявок. О том, что это был не просто разовый сбой, а именно недоработанная технология, свидетельствует тот факт, что от цифровых пропусков власти отказались, а министр цифрового развития и связи Приморского края был отправлен в отставку²⁶. В мае 2020 г. Правительство Сахалинской области известило о начале работы сервиса по выдаче электронных пропусков, их обязаны оформлять все путешественники без регистрации по месту жительства на Сахалине и Курилах²⁷, а туристы могли оформить въезд в составе организованной группы у туроператоров, входящих в единый федеральный реестр. Но разумная идея по снижению туристопотока столкнулась с российской действительностью и стала основой для пусть недолговечного, но весьма прибыльного «цифрового» бизнеса по продаже пропусков через турфирмы, а также для нового всплеска бюрократии в виде ничем не урегулированных процедур подтверждения родства²⁸.

Ярким примером вреда сырых технологий является приложение «Социальный мониторинг», на которое поступали сотни жалоб. За полмесяца работы приложение выписало 54 тысячи штрафов на сумму более 200 млн рублей. При этом москвичи сообщали, что не нарушали карантина, загружали селфи или вообще не получали предписания находиться на самоизоляции, но все регулярные сбои программы и нестыковки баз данных оказывались проблемой самих людей²⁹.

Ускоренное и массивное внедрение цифровых сервисов стало причиной колоссального роста киберпреступности. Согласно исследованиям, за две недели после начала ограничительных мер количество сервисов в сети Интернет выросло почти в шесть раз, в то время как число мошеннических сайтов российского сегмента всемирной паутины составило 70 %, а Сбербанк сообщил, что 75 % ресурсов в доменной зоне.ru, посвященных коронавирусу, являются мошенническими (Petrishcheva, 2020).

²⁶ В Приморье уволили отвечающего за электронные пропуска министра. РБК. 17 апреля 2020 г. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/17/04/2020/5e993f469a79473c24a17206> (дата обращения 05.08.2020).

²⁷ Цифровой концлагерь на Сахалине — электронные пропуска уже можно оформить. Vostok.Today. 15.05.2020. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/vostoktoday/cifrovoi-konclager-na-sahaline-elektronnye-propuska-uje-mojno-oformit-5ebde56441ff1b01f54141fc> (дата обращения: 05.02.2021).

²⁸ Как получить цифровой пропуск на Сахалин, если нет регистрации. Область на островах: Сахалин и Курилы: события, история, творчество. 19.11.2020 г. Режим доступа: <https://область-на-островах.pf/2020/11/19/kak-poluchit-tsifrovoj-propusk-na-sahalin-esli-net-registratsii/> (дата обращения: 05.02.2021).

²⁹ Васильчук Т. Антисоциальный мониторинг. Москвичей продолжают штрафовать за плохие селфи и поездки в больницу. Новая газета. 01.06.2020 г. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/31/85630-antisotsialnyu-monitoring> (дата обращения: 01.02.2021).

По изначальной логике политико-программных актов, посвященных информационному обществу³⁰, правовое обеспечение информационной безопасности должно было стать ведущей подотраслью информационного права, причем с обязательным выделением личности как особого субъекта информационной безопасности (Chebotareva, 2020). Однако опыт пандемического правового регулирования демонстрирует, что о защите персональных данных граждан, информационной гигиене и этике думали в последнюю очередь. Яркое и пугающее доказательство — это прошедшая в декабре 2020 г. информация об утечке персональных данных почти трехсот тысяч москвичей, переболевших ковидом. В Сеть попал архив из 362 файлов Word, Excel, PDF, JPG, в которых содержались такие данные, как ФИО, место проживания, номер телефона, полис ОМС, дата рождения, диагноз и другая информация³¹.

Эта утечка продемонстрировала сразу несколько весьма неприятных фактов. Во-первых, стало очевидно, что никакого «продвинутого» программного обеспечения для создания баз данных и обработки огромных массивов информации у мэрии Москвы нет. Иначе зачем бы понадобились таблицы в форматах Word и Excel (обычных офисных приложениях, по определению не предназначенных для обработки конфиденциальной информации и хранения персональных данных)? Во-вторых, стали очевидными недостоверность «цифровых данных» и возможности манипулирования ими, о чем неоднократно писали скептики цифровизации (в попавших в Сеть базах содержалось несовпадающие данные в разных файлах о количестве заболевших на одну и ту же дату)³². В-третьих, утечка продемонстрировала цинично-равнодушное отношение власти и к вопросам защиты персональных данных, и к безопасности граждан. В официальных комментариях был сделан упор на «успокаивающую» информацию о том, что утечка данных не связана с целенаправленными хакерскими атаками, а является всего лишь следствием человеческого фактора³³. По мнению экспертов Forbes, такой объем попавших в сеть данных дает беспрецедентное количество сценариев мошенничества³⁴.

³⁰ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 — 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 15 мая 2017 г. № 20. Ст. 2901; Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12 декабря 2016 г. № 50. Ст. 7074.

³¹ Чаусов А., Перла А. 300 тысяч жертв: Утечка из московской мэрии вскрыла правду о цифровизации. Информационный портал «ЦАРЬГРАД. ТВ. ПЕРВЫЙ РУССКИЙ». Режим доступа: https://tsargrad-tv.turbopages.org/tsargrad.tv/s/articles/300-tysjach-zhertv-utechka-iz-moskovskoj-mjerii-vskrala-pravdu-o-cifrovizacii_305745 (дата обращения: 03.02.2021).

³² Зглавуца Е. Болезненная утечка. Что показала публикация данных о москвичах, перенесших COVID-19 // BFM.RU. Режим доступа: <https://www.bfm.ru/news/460135> (дата обращения: 05.02.2021).

³³ Власти Москвы нашли виновного в утечке личных данных сотен тысяч переболевших Covid-19. Информационный портал «ЦАРЬГРАД. ТВ. ПЕРВЫЙ РУССКИЙ». Режим доступа: https://tsargrad.tv/news/vlasti-moskvy-nashli-vinovno-v-utechke-lichnyh-dannyh-soten-tysjach-perebolevshih-covid-19_305038 (дата обращения: 03.02.2021).

³⁴ Жукова К. «Ситуация критическая»: чем грозит крупнейшая утечка данных заболевших коронавирусом // Forbes. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/tehnologii/415857-situaciya-vesma-kritichna-chem-grozit-krupneyshaya-utechka-dannyh-zabolevshih>

Кстати, изначально сообщалось о временном хранении данных, собираемых с граждан в рамках оформления цифровых пропусков и иных карантинных мероприятий. Однако данные не были удалены ни в августе (по информации РБК), ни, как выяснилось, в декабре. Департамент информационных технологий Москвы объяснял хранение этой информации тем, что «пока не были завершены процедуры обжалования выписанных штрафов за нарушение режима самоизоляции»³⁵.

Пандемия продемонстрировала крайне низкий уровень «цифровой гигиены» в России. По данным зарубежных экспертов в первом полугодии 2020 г. было зафиксировано 72 инцидента, связанных с лицами, переболевшими коронавирусной инфекцией, из них 25 — в РФ [данные InfoWatch]³⁶. При этом нужно учесть, что по последним данным минимум половины случаев утечки персональных данных не передают гласности³⁷. Одним из факторов, провоцирующих большое число нарушений в работе с персональными данными, эксперты называют удаленный формат работы учреждений в условиях пандемии.

С одной стороны, личность в условиях глобального информационного общества обладает такими уникальными свойствами, как свобода, автономия, социально-деятельностная сущность (Chebotareva, 2016). С другой стороны, ускоренная цифровизация с усеченным правовым регулированием посягают именно на эти характеристики личности, закладывая внутреннее противоречие в саму концепцию формирования информационного общества. Например, приложение для смартфона «Социальный мониторинг», внедренное мэрией Москвы для слежки за лицами с подозрением на коронавирус, многократно критиковалось в Сети за то, что принудительно собирает с телефона большой объем личных данных пользователя. В частности, сообщалось, что приложение по умолчанию получало доступ ко всей информации на телефоне (GPS, камере, местоположению, телефонной книге, к датчикам о состоянии организма, а также к просмотру любых данных); кроме этого, данные передавались на серверы мэрии в открытом виде без какого-либо шифрования, а для распознавания лиц использовался эстонский сервис *identix.one*, то есть фотографии передавались в эстонскую юрисдикцию и на серверы, расположенные в Германии³⁸. Конечно, неспециалисту трудно оценить достоверность такой информации и отличить фейковые страшилки от реальных угроз. Но последующий инцидент с утечкой персональных данных больных коронавирусом подтверждает безответственное отношение властей к цифровой безопасности своего населения.

³⁵ Инфекция с персональными осложнениями. Газета РБК. Газета № 110 (3277). 09 декабря 2020. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/12/10/5fd0c9fb9a7947576ce3936b> (дата обращения: 04.02.2021).

³⁶ Гаврилюк А. Кто нас знает: треть утечек данных пациентов с COVID-19 прилась на Россию. Известия. 4 августа 2020. Режим доступа: <https://iz.ru/1043482/anastasiia-gavriliuk/kto-nas-znaet-tret-utechek-dannykh-pacientov-s-covid-19-prishlas-na-rossiiu> (дата обращения: 03.02.2021).

³⁷ Кильдюшкин Р. Приоткрытая информация: российские компании скрывают 57% утечек данных. Известия. 14 февраля 2021 г. Режим доступа: <https://iz.ru/1121170/roman-kildiushkin/priotkrytaia-informatciia-rossiiskie-kompanii-skrывают-57-utechek-dannykh> (дата обращения: 15.02.2021).

³⁸ Приложение для слежки за больными коронавирусом в Москве требует доступ ко всем данным в телефоне, но мэрия это отрицает. Режим доступа: <https://www.currenttime.tv/a/slezhka-moscow-app-scandal/30521728.html> (дата обращения: 08.02.2021).

Пандемия ускоряет цифровизацию экономики. По прогнозам экспертов, одним из вероятных сценариев развития глобальной сферы услуг (на которую приходится 60—80 % мирового ВВП) станет широкое использование цифровых технологий при взаимодействии с клиентами, а в секторе услуг и нематериальном производстве ИТ-коммуникации станут доминирующей формой взаимодействия, поскольку имеют преимущества с точки зрения расширения охвата аудитории, сокращения издержек, экономичности и эффективности³⁹. В перспективе взрывной рост спроса на цифровые решения, порожденный пандемией, станет катализатором развития «бесконтактной экономики» — новой экономической модели, в основе которой будут такие развивающиеся технологии, как 5G, искусственный интеллект, облачные сервисы (Wu, 2020).

Однако ускоренные темпы цифровизации нарушают баланс между возможными рисками и ожидаемой выгодой (Мамычев и др., 2020), провоцируют серьезные угрозы в ближайшем будущем, связанные с девальвацией социогуманитарных ценностей и потерей управляемости в обществе.

Пандемия и СМИ

Очень важный момент — это разъяснительная работа власти с населением и качество информации в СМИ. Думается, значительный пласт негатива в отношении ограничительных действий властей можно было предотвратить, изменив направленность политической риторики и сделав упор на качество пропагандистской работы. Стилистика новостных сообщений в духе правил клипового мышления оказала властям медвежью услугу: краткие новости-сообщения, одинаковые во всех источниках и на всех ресурсах, были максимально неинформативны, не давая ни нужного объема сведений для анализа, ни определенного нравственного и эмоционального посыла для формирования мотивации. Осовремененные и «демократизированные» новостные каналы на телевидении являли собой сюрреалистические коллажи, состоящие из зачитывания фрагментов официальной информации (исключительно об ограничениях и прогнозируемых карах) и демонстрации присланных телезрителями домашних видео, показывающих, что происходит в таком-то дворе или на таком-то перекрестке. Корреспонденты, стоя в разных точках пустынных (и не очень) улиц, описывали происходящее вокруг них и брали краткие интервью у случайных прохожих, интересуясь их субъективным мнением о происходящем. Такая странная информационная смесь естественным образом не могла вызвать никакой иной реакции, кроме тревоги и растерянности. И продемонстрировала она, в том числе, растерянность и беспомощность СМИ, явно отрезанных от свободного общения с властью и ощущающих нехватку информации для последующей трансляции. В «мирное» время такой формат новостей, при котором дикторы взаимодействуют со зрителями и любой может дать новость в эфир, воспринимался актуально и, пусть и

³⁹ Беденков Д. Пандемия ускорит цифровизацию экономики. Финам. 16.10.2020 г. Режим доступа: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/pandemiya-uskorit-cifrovizaciyu-ekonomiki-20201016-120239/> (дата обращения: 09.02.2021).

не блистал интеллектуальным анализом, но был злободневен и вполне соответствовал «молодежно-цифровым» представлениям о демократичной свободе слова. Но для кризисных периодов, когда население ждет от власти уверенных действий и внятных указаний, а власть как никогда нуждается в доверии и послушании населения (ресурс нужен для медицины, а не для карательных операций), — для таких периодов описанный формат категорически не подходил.

Интернет-пространство оказалось не лучше в плане информационной насыщенности и качества информации. В отсутствие достаточного количества достоверной информации сеть наполнилась слухами, сплетнями, страшилками и критическими мнениями сомнительных экспертов. Эта информационная жвачка была остро необходима населению для снятия страха и тревоги. Власть отстранилась от общения с населением, а пустота естественным образом стала заполняться новыми «лидерами мнений».

На этом фоне даже кампания власти по борьбе с фейковой информацией в Интернете и соцсетях (в общем-то, разумная и необходимая в условиях кризиса) не возымела должного эффекта, так как была воспринята многими негативно, как очередное усиление цензуры со стороны государства⁴⁰.

Информационная работа властей с населением в период пандемии (точнее, ее организация и содержание) нанесла значительный урон легитимности российской власти. Работающая политическая аксиома: «Единственное, что нужно делать правительству, чтобы превращать людей в рабов, — это сеять чувство страха»⁴¹. Но именно потому, что эта аксиома столь известна и очевидна, пандемия тревожности и страха вызывает недоверие и протест, причем наряду с опасениями за свою жизнь и здоровье.

Особо огорчают в связи с этим два фактора. Во-первых, в начале пандемии, на фоне первого испуга и потрясения, значительная часть населения прислушивалась к убеждающим призывам и была готова добровольно следовать ограничениям, принимая их разумность и не настаивая на детальной законности. Но этот ресурс, мощный ресурс ценностной рациональности⁴² и архетипической склонности к авторитарному правлению, не был использован. Во-вторых, проблема состоит не в том, что в России власть вообще не использовала пропаганду и не пыталась строить коммуникацию с населением, а в том, что эта коммуникация не получилась. То есть власть выбрала не тот формат, не тот стиль, не те аргументы. Не нашла слов. Обращения к народу выпускали все, от президента до мэра. Однако их эффективность начала быстро падать, когда стало понятно,

⁴⁰ Замахина Т. Вводится наказание за распространение фейков о коронавирусе // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2020/03/31/vvoditsia-nakazanie-za-rasprostranenie-fejkov-o-koronaviruse.html> (дата обращения: 04.12.2020).

⁴¹ Kennedy, Robert F. (2020) Robert Kennedy, Jr.: “Under the guise of a pandemic, we are being sold totalitarianism”. The BUSINESS Online. Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/479980> [Accessed 05th December 2020].

⁴² На карте культурных ориентаций социолога Рональда Инглхарта Россия гораздо ближе к германской рациональности, чем к традиционным ценностям социального конформизма. Подробнее: Локшин И. Карта культурных ценностей Рональда Инглхарта. Ассоциация ИД «ПостНаука». Режим доступа: <https://postnauka.ru/wtf/154916> (дата обращения: 04.12.2020).

что противопандемические ограничения затянутся не на дни и даже не на недели, а на месяцы.

Проводя постфактум «работу над ошибками», можно выделить следующие объяснения неэффективной коммуникации «власть — общество» в условиях первой и второй волны пандемии. Представляется, что власть проявила излишнее недоверие и неуважение к собственному обществу. В официальных обращениях игнорировались те темы и вопросы, которые поднимались в интернет-обсуждениях: незаконность ограничений свободы передвижения, необходимость введения карантина и режима чрезвычайной ситуации (ЧС) или чрезвычайного положения (ЧП) вместо самоизоляции и режима повышенной готовности, незаконность штрафов и произвол силовых структур в части применения ограничений и санкций. Потом выяснится, что большая часть юридической информации по поводу карантина, заполонившей сеть в начале весны, окажется недостоверной. Что режимы ЧС и ЧП не решат возникших проблем и предназначены законом для других обстоятельств. Что режим ЧС и некий «всеобщий карантин» (отсутствующий как понятие в законе), за который так ратовали «сетевые эксперты», вовсе не означают, что государство должно покрыть все долги и расходы населения (именно такая позиция почему-то доминировала в Интернете), а, наоборот, предполагают значительно большие ограничения и снижение гарантий в части трудовых прав и социального обеспечения⁴³. Что никаких четких процедур для подобных ситуаций в законе не прописано, так как не было прецедентов, поэтому рассуждения о незаконности принимаемых решений юридически весьма спорны: ведь «нерегулированный» не значит «незаконный». Например, в Докладе Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (раздел I «Правовая основа режима самоизоляции») введение в субъектах РФ режима повышенной готовности на основании решений высших должностных лиц субъектов РФ признано моделью регулирования, «адекватной возникшим угрозам, поскольку она обладает меньшим негативным воздействием на экономику, чем режим ЧС»⁴⁴. В Докладе были проанализированы три возможных с точки зрения закона модели: режим ЧС, режим повышенной готовности и режим ограничительных и санитарно-противоэпидемических мероприятий, вводимых на основе законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения.

Но, во-первых, вся эта информация появится позже, в конце весны и летом, а не тогда, когда она была столь необходима для правильного настроения общественного мнения. А, во-вторых, такая информация содержится не в «массовых» источниках и остается неизвестной и не воспринятой для значительной части

⁴³ Денисов А. Что на самом деле значит режим ЧС для бизнеса и обычных граждан? // Т — Ж: журнал про ваши деньги (издание АО «Тинькофф Банк»). 18.04.2020. Режим доступа: <https://journal.tinkoff.ru/ask/rezhim-chs/> (дата обращения: 07.02.2021).

⁴⁴ Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека от 3 июля 2020 г. Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Доступ из справ. прав. сист. «Гарант». Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/74394569/paragraph/1/doclist/2550/showentries/0/highlight/пандемия%20совет%20по%20правам%20человека:0>

населения. Среднестатистический пользователь сети вряд ли читает информационные обзоры справочно-правовых систем⁴⁵, информационный журнал Тинькофф-банка⁴⁶ или хотя бы сайты и блоги серьезных юристов.

Подчеркнем: все сказанное не означает бесспорной законности проводимых мероприятий и изданных актов. Вопросы остаются и в части юридической силы изданных актов, и в части полномочий издавших их органов, и в части содержания и особенно процедуры введения ограничений. А в отношении штрафов за нарушение самоизоляции Совет по правам человека при Президенте рекомендовал произвести их отмену в досудебном порядке в связи с многочисленными нестыковками с административным законодательством и техническими сбоями (раздел XII Доклада «Оценка адекватности ограничительных мер»). Но, с другой стороны, многие ограничительные меры, которые в массовом сознании и по мнению оппозиционно настроенной части интернет-сообщества считаются незаконными, на самом деле таковыми не являются. Регулирование во многом создавалось в условиях правового вакуума или, во всяком случае, в условиях правовой неопределенности. Такие меры являются очевидно непопулярными, жесткими, беспрецедентными для российской правовой системы, но их нельзя назвать незаконными в точном смысле слова.

Вот эту информацию и следовало популярно разъяснять населению. Власть не учла общий уровень правовой осведомленности населения и недооценила собственную же работу прошлых лет по пропаганде идей правовой государственности. Вопросы кризисного регулирования, как стало очевидным, сложны даже для юристов. Но идеи приоритета прав человека и связанности власти своими же законами население России усвоило хорошо. Для достаточно большой части интернет-аудитории официальные правовые комментарии власти и разъяснения нормативной обоснованности принимаемых мер были бы очень востребованной информацией, которая могла обеспечить большую лояльность власти и уменьшение критических настроений. Кроме этого, информационная политика власти совершенно игнорировала высокообразованную часть аудитории, на которую стратегия откровенного разговора, с разъяснением правовых оснований происходящего и имеющихся трудностей (в том числе и юридического плана) оказала бы лучшее воздействие в части формирования мотивации на осознанное следование ограничениям и доверия к власти.

Избранная властью модель разъяснительной работы базировалась на запугиваниях медицинскими и юридическими последствиями вперемешку с моральными сентенциями об ответственности за окружающих и призывами

⁴⁵ Например, упоминавшийся выше Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека от 3 июля 2020 г. "Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина". А также: *Ключевская Н.* Защита прав человека в период пандемии: повышенная стипендия, отмена штрафов за нарушение самоизоляции, дистанционна (обзор) // Справочная правовая система «Гарант». Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/77375063/paragraph/2/doclist/2550/showentries/0/highlight/пандемия%20совет%20по%20правам%20человека:3>

⁴⁶ Денисов А. Что на самом деле значит режим ЧС для бизнеса и обычных граждан? // Т — Ж: журнал про ваши деньги (издание АО «Тинькофф Банк»). 18.04.2020. Режим доступа: <https://journal.tinkoff.ru/ask/rezhim-chs/> (обращения: 07.02.2021).

к разумному поведению. Пропорции этого информационного коктейля, как можно констатировать сегодня, были подобраны неудачно, так как разумность действий самой власти по итогу оценивалась скептически.

Представляется, что именно воспитательная и разъяснительная работа с населением могла и должна была спасти ситуацию в условиях неопределенности правового регулирования. Кризис мог быть прекрасным ресурсом для повышения доверия к власти и сплочения общества, а мог быть и фактором дестабилизации и снижения уровня легитимности власти.

Заключение.

Перспективы развития постпандемического мира (некоторые выводы)

Сбросив «розовый флер» футуристических прогнозов, коронавирус обнажил безальтернативность и усеченность регулирования; очевидную склонность власти использовать цифровые технологии в первую очередь для тотального контроля населения и применения карательных санкций; критичную бюрократизированность и формализированность работы ведомств, ответственных за цифровизацию различных сфер и, как следствие, несоответствие позитивно окрашенных отчетов фактическому уровню внедрения технологий и готовности инфраструктуры; явные проблемы с качеством информации в СМИ и интернет-пространстве (нехватка полной и достоверной информации, тиражирование однотипных усеченных фрагментов публичных заявлений и официальных документов, отсутствие разъяснительной работы с населением и т. д.).

Еще один важный аспект делегитимации, на наш взгляд, — это действия власти на «второй волне» пандемии. Принимаемые весной меры можно было воспринять как временное экстренное реагирование, чем они и были на самом деле. Думается, население в большинстве своем простило и забыло бы «проколы» власти в этот период достаточно быстро, переключившись на восстановление собственной жизни в посткризисный период. Но осень показала, что многие регулятивно-ограничительные новеллы весны-2020 власть решила сделать постоянной практикой. Хотя времени на создание процедурно и содержательно выверенного с точки зрения закона регулирования было достаточно.

Голландский психоаналитик, ученый-экономист в сфере менеджмента, профессор Манфред Кетс Де Вриес отмечает, что после пандемии социальное поведение человека изменится: преобладание электронной коммерции (все меньше покупок в обычных магазинах и все больше — через сеть), исчезновение офисных помещений, акцент на онлайн-обучении и играх, а также удаленный просмотр спортивных и развлекательных программ приведет к снижению чувства общности людей⁴⁷. А разобщенными людьми легче управлять. В целом прогноз неутешителен: чувство беспомощности, по словам эксперта, усиливает

⁴⁷ Алпаутов Рамазан. Распад, Hi-Tech-тоталитаризм, маргинализация или федерализация? 04 мая 2020 г. Режим доступа: <https://www.idelreal.org/a/30585297.html> (дата обращения: 08.02.2021).

привлекательность политики национальной идентичности, возврат к национальному государству, а этот сценарий вполне вписывается в видение будущего в виде тоталитарного контроля⁴⁸.

Обобщая, можно сформулировать определенные тенденции социально-политического и правового развития, заложенные или обострившиеся в период вирусной угрозы. Именно эти тенденции, если дать им закрепиться, будут определять векторы развития постпандемического мира.

К позитивным тенденциям в сфере цифровизации общественно-политических отношений можно отнести: а) активное использование телекоммуникационных и информационных технологий в сфере политических отношений, правотворчества и издания властных велений; б) использование цифровизации как инструмента для разрешения социально-экономических проблем (дистанционное образование, удаленная работа, расширение спектра льгот, доступ к которым осуществляется в цифровой форме).

К негативным тенденциям в сфере цифровизации общественно-политических отношений относятся: а) форсированная политика цифровизации, проводимая государством без учета готовности региональной инфраструктуры и уровня компьютерной грамотности населения; б) коммерческое использование персональных данных индивидов без их согласия и без эффективных механизмов защиты персональных данных граждан; в) приоритет целей контроля и слежения за населением при использовании цифровых технологий; г) смешение юридических, идеологических, информационных и воспитательных механизмов в рамках коммуникации в системе «власть—общество»; д) снижение стандартов качества правотворческих процедур и подмена законодательного регулирования властными административными решениями (в части нормативного регулирования использования цифровых технологий и обязанностей населения в связи с таким использованием); е) снижение стандартов качества официальной и публицистической информации (ее полноты, достоверности, плюралистичности, аналитичности, разнообразия), тиражируемой в сети Интернет и в традиционных СМИ.

Для постпандемического мира есть и оптимистический сценарий. Сейчас есть возможность критически оценить имеющийся опыт регулирования и принять меры, чтобы не позволить негативным тенденциям закрепиться. Легитимность власти будет переоценена во многих странах, а ожидания, адресованные власти, изменятся. В поствирусном мире придется задуматься о степени ответственности, жизнеспособности и перспективности многих моделей политического и экономического развития, провозглашаемых как образец в современных документах стратегического планирования.

⁴⁸ Kets de Vries, Manfred F. R. What will life be like after the pandemic? INSEAD Knowledge. 23 April 2020. Available at: <https://knowledge.insead.edu/blog/insead-blog/what-will-life-be-like-after-the-pandemic-13886> [Accessed 12th February 2021].

References / Список литературы

- Alpaut, R. (04 May 2020) Disintegration, Hi-Tech-totalitarianism, marginalization or federalization? *The Idel.real*. Available at: <https://www.idelreal.org/a/30585297.html> [Accessed 27th January 2021].
Алпаутов Р. Распад, Hi-Tech-тоталитаризм, маргинализация или федерализация? // *Idel.Реалии*. Режим доступа: <https://www.idelreal.org/a/30585297.html> (дата обращения: 27.02.2021).
- Anscombe, G.E.M. (1958) Modern Moral Philosophy. *Philosophy*. 33 (124), 1—19.
- Arenina, K. (2020) Life in quarantine: more work, less income. Research of the Bell and the Levada Center. K. Arenina, A. Stogney, S. Goncharov, O. Karaeva. Available at: <https://thebell.io/zhizn-na-karantine-raboty-bolshe-dohodov-menshe-issledovanie-the-bell-i-levada-tsentra> [Accessed 9th February 2021].
Аренина К. Жизнь на карантине: работы больше, доходов меньше. Исследование The Bell и «Левада-центра» // К. Аренина, А. Стогней, Гончаров С., Караева О. The Bell. Режим доступа: <https://thebell.io/zhizn-na-karantine-raboty-bolshe-dohodov-menshe-issledovanie-the-bell-i-levada-tsentra> (дата обращения: 09.02.2021).
- Aristotle & Irwin T. (1999) *Nicomachean Ethics*. 2nd ed.
- Asnagulova, G.M. & Zamanov, R.A. (2019) The Impact of Internet technologies on the development of civil society in modern Russia. *Alley of science*. 1 (5(32)), 596—600. (in Russian).
Азнагулова Г.М., Заманов А.Р. Влияние интернет-технологий на развитие гражданского общества в современной России // *Аллея науки*. 2019. Т. 1. № 5 (32). С. 596—600.
- Bedenkov, D. (2020) The pandemic will accelerate the digitalization of the economy. *The Finam*. Available at: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/pandemiya-uskorit-cifrovizaciyu-ekonomiki-20201016-120239/> [Accessed 9th February 2021].
Беденков Д. Пандемия ускорит цифровизацию экономики // *Финам*. Режим доступа: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/pandemiya-uskorit-cifrovizaciyu-ekonomiki-20201016-120239/> (дата обращения: 09.02.2021).
- Bellazzi, F. & Boyneburgk, K.V. (2020) COVID-19 calls for virtue ethics. *Journal of Law and the Biosciences*, 7 (1), Isaa056. DOI:10.1093/jlb/Isaa056. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32908673/> [Accessed 12th February 2021].
- Berlin, I. (2006) Two Concepts of Liberty. In: Miller, D. (ed.). *The Liberty Reader*. 1st ed. Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315091822> pp. 33—57. [Accessed 18th March 2020].
- Bovt, G. (13 October 2020) “Russian totalitarianism” has disappeared somewhere. *Vedomosti*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/10/13/843152-russkii-totalitarizm> [Accessed 7th February 2021].
Бовт Г. «Русский тоталитаризм» куда-то делся // *Ведомости*. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/10/13/843152-russkii-totalitarizm> (дата обращения: 07.02.2021).
- Chebotareva, A.A. (2016) Legal support of information security of the individual in the global information society. *Juridical World*. (8), 63—66. (in Russian).
Чеботарева А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе // *Юридический мир*. 2016. № 8. С. 63—66.
- Chernogor, N.N. & Zaloilo, M.V. (2020) Metamorphoses of law and challenges to legal science in the context of the coronavirus pandemic. *Journal of Russian Law*. (7), 5—26. (in Russian).
Черногор Н.Н., Залоило М.В. Метаморфозы права и вызовы юридической науке в условиях пандемии коронавируса // *Журнал российского права*. 2020. № 7. С. 5—26.
- Foot, Ph. (2002) *Virtues and Vices: and other essays in moral philosophy*. Oxford, Published to Oxford Scholarship.

- Frankfurt, H.G. (1971) Freedom of the Will and the Concept of a Person. *The Journal of Philosophy*. 68(1), 5—20.
- Gavrilyuk, A. (4 August 2020) Who knows: a third of the data leaks of patients with COVID-19 occurred in Russia. *Izvestia*. Available at: <https://iz.ru/1043482/anastasiia-gavriliuk/kto-nas-znaet-tret-utechek-dannykh-pacientov-s-covid-19-prishlas-na-rossiiu> [Accessed 3rd February 2021].
- Гаврилюк А. Кто нас знает: треть утечек данных пациентов с COVID-19 прихлалась на Россию // Известия. Режим доступа: <https://iz.ru/1043482/anastasiia-gavriliuk/kto-nas-znaet-tret-utechek-dannykh-pacientov-s-covid-19-prishlas-na-rossiiu> (дата обращения: 03.02.2021).
- Greely, H.T. (2020) Pandemic fairness and academia. *Journal of Law and the Biosciences*. (1), 1—3. DOI:10.1093/jlb/ljaa030
- Grossman, L.K. (1995) *The Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age*. N.Y., Viking Penguin. 290.
- Gryaznov, S.A. (2020) The pandemic of inequality. *Modern Science*. (12—4), 69—72. (in Russian). Грязнов С. А. Пандемия неравенства // Modern Science. 2020. № 12—4. С. 69—72.
- Kennedy, R.F. (2020) Robert Kennedy, Jr.: Under the guise of a pandemic, we are being sold totalitarianism. *The BUSINESS Online*. Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/479980> [Accessed 5th December 2020].
- Kets de Vries & Manfred, F.R. (2020) What will life be like after the pandemic? // *INSEAD Knowledge*. Available at: <https://knowledge.insead.edu/blog/insead-blog/what-will-life-be-like-after-the-pandemic-13886> [Accessed 12th February 2021].
- Khabrieva, T.Ya. (2018) Law before the Challenges of digital reality. *Journal of Russian Law*. (9), 5—16. (in Russian). Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5—16.
- Khabrieva, T.Ya. (2019) Cyclical normative arrays in law. *Journal of Russian Law*. (12), 5—18. (in Russian). Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5—18.
- Klyuchevskaya, N. (2020) *Protection of human rights during the pandemic: increased scholarship, cancellation of fines for violation of self-isolation, remote (review)*. Reference legal system “Garant”. Available at: <https://internet.garant.ru/#/document/77375063/paragraph/2/doclist/2550/showentries/0/highlight/пандемия%20совет%20по%20правам%20человека:3>
- Ключевская Н. Защита прав человека в период пандемии: повышенная стипендия, отмена штрафов за нарушение самоизоляции, дистанционна (обзор) // Справочная правовая система «Гарант». Режим доступа: <https://internet.garant.ru/#/document/77375063/paragraph/2/doclist/2550/showentries/0/highlight/пандемия%20совет%20по%20правам%20человека:3>
- Kononov, A.M. (2020) Is it legal to introduce a high-alert regime and subsequent restrictions on rights and freedoms in the territories of the subjects of the Russian Federation? *State power and local self-government*. (7), 32—34. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-7-32-34 (in Russian). Коновалов А.М. Законно ли введены режим повышенной готовности и последовавшие за ним ограничения прав и свобод на территориях субъектов Российской Федерации? // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 7. С. 32—34. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-7-32-34.
- Lokshin, I. (2020) Map of cultural values of Ronald Inglehart. *Association of the PostNauka Publishing House*. Available at: <https://postnauka.ru/wtf/154916> [Accessed 22nd February 2021].

- Локишин И. Карта культурных ценностей Рональда Инглхарта // Ассоциация ИД «Пост-Наука». Режим доступа: <https://postnauka.ru/wtf/154916> (дата обращения: 22.02.2021).
- Loktionova, M. (2020) Ban on Wi-Fi and partner births: what restrictions are imposed by the regions. *Gazeta.ru*. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/2020/11/02/13343587.shtml> [Accessed 22th February 2021].
- Локтионова М. Запрет на Wi-Fi и партнерские роды: какие ограничения вводят регионы // Газета.ру. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2020/11/02/13343587.shtml> (дата обращения: 22.02.2021).
- Lozinskaya, E.V. & Zubareva E.G. (2020) Internet communication as a tool of political struggle and the development of civil society in the XXI century // *Socio-economic Sciences and Humanities: a collection of selected articles on materials of the International scientific conference (St. Petersburg, December 2019)*. Saint-Petersburg, GNII “Necrasota”, pp. 54—60. (in Russian).
- Лозинская Е.В., Зубарева Е. Г. Интернет коммуникации как инструмент политической борьбы и развития гражданского общества в XXI веке // Социально-экономические и гуманитарные науки: сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции (Санкт-Петербург, Декабрь 2019). СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2020. С. 54—60.
- MacIntyre, A.C. (2007) *After virtue: A Study in Moral Theory*. 3rd edn. University of Notre Dame Press.
- Mamychev, A.Yu., Kim A.A. & Frolova E.E. (2020) The future as an attractor of modern political-legal and socio-economic transformations: an overview of the main problems and approaches. *Advances in Law Studies*. 2020. 8 (5), 3—17. DOI: 10.29039/2409-5087-2020-8-5-3-17 (in Russian).
- Мамычев А.Ю., Ким А.А., Фролова Е.Е. Будущее как аттрактор современных политико-правовых и социально-экономических трансформаций: обзор основных проблем и подходов // *Advances in Law Studies*. 2020. Т. 8. № 5. С. 3—17. DOI: 10.29039/2409-5087-2020-8-5-3-17
- Mikheeva, T.N. & Boyarintseva, I.A. (2019) On some conceptual and legal aspects of digitalization. *Bulletin of the Mari State University. A series of “Historical science. Legal sciences”*. 5 (3), 289—297. doi: 10.30914/2411-3522 (in Russian).
- Михеева Т.Н., Бояринцева И.А. О некоторых понятийных и правовых аспектах цифровизации // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5. № 3. С. 289—297. DOI: 10.30914/2411-3522
- Mill, J.S. (2015) *Utilitarianism. On Liberty, Utilitarianism and Other Essays*. In: Philp M. & Rosen Fr. (eds.). Oxford University Press. Pp. 113—178.
- Miroshnichenko, O.I. & Mamychev, A.Yu. (2020) Digital democracy in the context of a pandemic: ethical, legal and political aspects. Part 1. *Advances in Law Studies*. 8 (5), 94—99. DOI: 10.29039/2409-5087-2020-8-5-94-99 (in Russian).
- Мирошниченко О.И., Мамычев А.Ю. Цифровая демократия в условиях пандемии: этико-правовые и политические аспекты. Часть 1 // *Advances in Law Studies*. 2020. Т. 8. S5. С. 94—99. DOI: 10.29039/2409-5087-2020-8-5-94-99
- Moshkovich, M.G. (2020) Virus single — punitive articles of the administrative code for the citizens of the two: The Supreme Court clarifies (comment to the Review on certain issues of judicial practice... N 1, approved. By the Presidium of the Supreme Court on 21.04.2020). *Main Book*. (11), 84—87. (in Russian).
- Мошкович М.Г. Вирус один — штрафных статей КоАП для граждан две: ВС разъясняет (комментарий к Обзору по отдельным вопросам судебной практики... N 1, утв. Президиумом ВС 21.04.2020) // Главная книга. 2020. № 11. С. 84—87.

- Pashentsev, D.A. (2020) Features of law enforcement in the conditions of digitalization of public relations. *Vestnik SPbU. Right*. 11 (1), 35—49. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.103> (in Russian).
Пашентцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. № 1. С. 35—49. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.103>
- Petrishcheva, E.G. (2020) Consequences of accelerated development of digitalization against the background of a pandemic. *Russian science and education today: problems and prospects*. 5 (36), 34—37. (in Russian).
Петрищева Е. Г. Последствия ускоренного развития цифровизации на фоне пандемии // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2020. № 5 (36). С. 34—37.
- Radu, R. (2020) Fighting the ‘Infodemic’: Legal Responses to COVID-19 Disinformation. *Social Media + Society*. 6 (3), 1—4. DOI: <https://doi.org/10.1177/2056305120948190>
- Schwab, K. (2016) *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow, Eksmo Publ. (in Russian).
Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 136 с.
- Sheremet, A.N. (2020) Pandemiya inequality. Socio-economic aspects and consequences of COVID-19. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research*. (4), 136—141. (in Russian).
Шеремет А.Н. Пандемия неравенства. Социально-экономические аспекты и последствия COVID-19 // Медицина. Социология. Философия. Прикладные Исследования. 2020. № 4. С. 136—141.
- Shulman, E. (2019) Words and Music of freedom by Ekaterina Shulman. *Time and money*. Available at: <https://www.e-vid.ru/obschestvo/041219/slova-i-muzyka-svobody-ot-ekateriny-shulman> [Accessed 5th May 2020]. (in Russian).
Шульман Е. Слова и музыка свободы от Екатерины Шульман // Время и деньги. Режим доступа: <https://www.e-vid.ru/obschestvo/041219/slova-i-muzyka-svobody-ot-ekateriny-shulman> (дата обращения: 05.05.2020)
- Singer, P. & Plant, M. (6 April 2020) When Will the Pandemic Cure Be Worse Than the Disease? *Project Syndicate: The world’s opinion pages*. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/when-will-lockdowns-be-worse-than-covid19-by-peter-singer-and-michael-plant-2020-04?barrier=accesspaylog> [Accessed 12th February 2021].
- Sukharevskaya, A. (2019) Imperceptible state. *Vedomosti&*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/12/19/819009-nezametnoe-gosudarstvo> [Accessed 5th May 2020]. (in Russian).
Сухаревская А. Незаметное государство. [Электронный ресурс] // Ведомости&. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/12/19/819009-nezametnoe-gosudarstvo> (дата обращения: 05.05.2020).
- Turov, F. (2019) Why aren't Russian cities getting smarter? *Ksonline.ru* Available at: <https://ksonline.ru/364644/pochemu-goroda-rossii-ne-umneyut/> [Accessed 5th May 2020]. (in Russian).
Туров Ф. Почему города России не умнеют? [Электронный ресурс] // *Ksonline.ru*. Режим доступа: <https://ksonline.ru/364644/pochemu-goroda-rossii-ne-umneyut/> (дата обращения: 05.05.2020).
- Vasilchuk, T. (2020) Antisocial monitoring. Muscovites continue to be fined for bad selfies and trips to the hospital. *Novaya Gazeta*. Available at: <https://novyagazeta.ru/articles/2020/05/31/85630-antisotsialnyu-monitoring>. [Accessed 3rd February 2021]. (in Russian).
Васильчук Т. Антисоциальный мониторинг. Москвичей продолжают штрафовать за плохие селфи и поездки в больницу. [Электронный ресурс] // Новая газета. Режим доступа: <https://novyagazeta.ru/articles/2020/05/31/85630-antisotsialnyu-monitoring> (дата обращения: 03.02.2021)

- Vershinin, A.A. (2014) Formation of civil Society in the West: history and Understanding. *Contours of global transformations: politics, economics, law*. (2), 51—60. (in Russian).
Вершинин А.А. Становление гражданского общества на западе: история и осмысление // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2014. № 2. С. 51—60.
- Wu, A. (2020) The pandemic has given a new impetus to the digitalization of society. *RIA Novosti*. Available at: <https://ria-ru.turbopages.org/ria.ru/s/20200430/1570815748.html> [Accessed 2nd February 2021].
- Yagodkina, M. (2020) How the Moscow City Hall won all the lawsuits against the self-isolation regime: The losing side notes the haste of the court in making a decision and procedural violations. *News.ru*. Available at: <https://news-ru.turbopages.org/news.ru/s/investigations/kak-meriya-moskvy-vyigrala-po-vsem-iskam-protiv-rezhima-samoizolyacii/> [Accessed 2nd February 2021].
Ягодкина М. Как мэрия Москвы выиграла все иски против режима самоизоляции: Проигравшая сторона отмечает спешку суда в принятии решения и процессуальные нарушения // *News.ru*. Режим доступа: <https://news-ru.turbopages.org/news.ru/s/investigations/kak-meriya-moskvy-vyigrala-po-vsem-iskam-protiv-rezhima-samoizolyacii/> (дата обращения: 02.02.2021).
- Zaloilo, M.V. (2020) Legality and appropriateness in postmodern society: a revision of the existing classical model. *Journal of Russian law*. (6), 22—37. DOI: 10.12737/issn.1605-6590 (in Russian).
Залоило М.В. Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр сложившейся классической модели // *Журнал российского права*. 2020. № 6. С. 22—37. DOI: 10.12737/issn.1605-6590
- Zaloilo, M.V. & Pashentsev, D.A. (2019) National law and order of Russia in the conditions of digitalization. *Vestnik SPbU. Right*. 10 (2), 196—209. doi: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.201> (in Russian).
Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правовой порядок России в условиях цифровизации // *Вестник СПбГУ. Право*. 2019. Т. 10. № 2. С. 196—209. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.201>

Об авторах:

Гайворонская Яна Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет; 690922, Российская Федерация, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

ORCID ID: 0000-0002-7606-4444

e-mail: yanavl@yandex.ru

Миросниченко Ольга Игоревна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет; 690922, Российская Федерация, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

ORCID ID: 0000-0002-8248-6782

e-mail: olga-star.05@mail.ru

Шакиров Сергей Шамильевич — старший преподаватель, кафедра гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов; 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

ORCID ID: 0000-0002-4468-2723

e-mail: shakirov-ssh@rudn.ru

About the authors:

Yana V. Gaivoronskaya — Candidate of Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law School, Far Eastern Federal University; 690922, Russian Federation, Vladivostok, Russky Island, Ajax, 10

ORCID ID: 0000-0002-7606-4444

e-mail: yanavl@yandex.ru

Olga I. Miroshnichenko — Candidate of Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law School, Far Eastern Federal University; 690922, Russian Federation, Vladivostok, Russky Island, Ajax, 10

ORCID ID: 0000-0002-8248-6782

e-mail: olga-star.05@mail.ru

Sergey Shakirov — Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure and International Private Law, Law Institute, Peoples ' Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-4468-2723

e-mail: shakirov-ssh@rudn.ru